

П.В. Тарусин

РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ КОНТРЭЛИТЫ В ОБНОВЛЕНИИ ПРАВЯЩЕГО РЕЖИМА

Данная статья посвящена исследованию понятия «контрэлита», поиску и обоснованию методологических инструментов и способов применения данного теоретического конструкта, которые позволяют спрогнозировать потенциальные формы и содержание рассматриваемого явления в конкретных исторических ситуациях и политических процессах. Контрэлита описывается как особое явление социальной и политической реальности, возникающее на этапах «переучреждения» политического порядка и уходящего типа правящей элиты, в качестве потенциального «могильщика» и преемника последней. Автором на основе структурно-функционального подхода уточнено разграничение явлений контрэлиты и политической оппозиции, рассмотрены процессы и условия перехода политической власти от правящей элиты к контрэлите и перспективы становления различных групп российского протестного движения в качестве контрэлиты.

Применение предложенного конструкта показывает, что в ближайшей и среднесрочной перспективе в России при существующем состоянии правящего режима и политической культуры населения отсутствуют объективные и субъективные предпосылки и условия, необходимые для возникновения контрэлиты в качестве ответственной и легитимной политической силы. Тем не менее, несмотря на мощное противодействие правящей верхушки, последовательно продолжается становление тех социальных групп и политических сил, которые потенциально способны в определенных обстоятельствах идейно и организационно оформить «контрэлитный запрос» общества.

Ключевые слова: *правящая элита, контрэлита, политическая оппозиция, политический режим*

Предметное (с точки зрения процессов элитогенеза) изучение распада социалистической системы, причин расхождения целей и итогов «цветных революций», а также традиционно неуспешных попыток демократизации политического устройства в России настраивает на уточнение представлений по поводу субъекта политического оппонирования, способного выступить в качестве агента трансформации правящего

режима и элиты. Отставание с концептуальным переосмыслением данного феномена оборачивается запутанностью и противоречивостью научных подходов к процессам обновления типа правящего режима и его руководства, подменой понятий и односторонностью трактовок происходящих событий, что в конечном итоге ограничивает состоятельность разрабатываемых схем и моделей политического реформирования. Уточнению сущности и функционально-ролевых параметров данного субъекта, описываемому в категории «контрэлиты», оценке перспектив его развития в России посвящена настоящая работа.

Автор намеренно не стал углубляться в описание внешних параметров или типологии данного явления, так как толкование понятия «контрэлита», объем и содержание описываемого им явления, приобретают реальное наполнение в зависимости от специфики решаемых исследовательских задач и познавательной ситуации конкретно разворачивающегося социально-политического кризиса. Наложение данного понятия на некие абстрактные условия развития общества или режима не имеет эвристической ценности и смысла. Поэтому задачи исследования ограничили не ретроспективной фиксацией состояний и параметров контрэлиты, а поиском и обоснованием методологических инструментов и способов применения данного теоретического конструкта, позволяющих прогнозировать потенциальные формы и содержание рассматриваемого явления в конкретных ситуациях и процессах.

Эмпирическим основанием проведенного анализа стали по большей части не социологические выкладки, обладающие смыслом не сами по себе, но приобретающие его в конкретной концептуальной аранжировке, а совокупность личных впечатлений и качественных оценок и интерпретаций рассматриваемых явлений со стороны их непосредственных наблюдателей и участников. В связи с событиями, протекающими на Украине, автор вынужденно вышел за хронологические рамки проводившегося семинара.

УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В толковании феномена субъекта политического оппонирования можно выделить два основных подхода, каждый из которых через призму социально и исторически обусловленных научных представлений отражает принципиальное различие в состоянии и условиях развития конкретных обществ и соответствующих им типов политических режимов. Оба подхода основываются на идеях В. Парето, который, с одной

стороны, выделил два типа элиты: правящую и неправящую. Последнюю ученый идентифицировал в качестве контрэлиты, указав на принципиальное отличие от правящего сословия ее качественных характеристик, способностей, характера компетентности. С другой стороны, им было отмечено, что при существующем политическом порядке контрэлита в силу присущего ей социального статуса и сословных барьеров не обладает реальными возможностями обретения политической власти.

Для существующих реалий современного западного общества и демократического типа политического устройства, сталкивающихся скорее с проблемами новаций властных структур и порядков, нежели с масштабными требованиями их коренной трансформации, принято оперировать категорией *co-opt-elite* («кооптированные элиты»), удачно вписывающейся в концепции «демократического элитизма», «элитного плюрализма» и других. Отметим, что именно для демократических режимов характерно наличие встроенных, легко перенастраиваемых и доступных механизмов учета, согласования и разумного удовлетворения политических и иных притязаний разнообразных социальных групп, а процедуры ротации правящей верхушки поддерживают достаточно высокий уровень ее компетентности. Отсутствие социального запроса, самой потребности в радикальном обновлении политического порядка и элиты делает не востребуемыми и даже бессмысленными научные попытки идентифицировать субъекта политического оппонирования в качестве угрозы существующему режиму.

Источники и субъекты новаций демократических режимов и форм правления *предполагаются* заключенными внутри «плюралистичной» элиты, группировки которой, конкурируя в борьбе за власть, вынуждены подстраивать функционирование последней под интересы и запросы общества. Считается, что победившая на выборах политическая сила становится правящей, а проигравшая — не правящей элитой, чем и осуществляется регулярная смена господствующих политических элит контрэлитами, причем обеим оппонировавшим сторонам в целом присущи отношения кооперативного сотрудничества. Борьба за власть представляется игрой с ненулевой суммой, обеспечивающей прагматичное использование «элитных сетей» и ресурсных потоков в интересах всего общества. Тем самым феномен политического оппонирования приобретает весьма широкое содержание, включая всю совокупность многочисленных социальных сил и групп, противостоящих по разным

поводам существующей власти и стремящихся к ее завоеванию. Различия между терминами «политическая оппозиция» и «контрэлита» становятся несущественными, и обозначаемые ими явления рассматриваются как близкородственные.

Этот подход поддерживают и авторитетные отечественные элитологи. Так, с точки зрения О. Гаман-Голутвиной, контрэлита представляет собой конкурентов действующей власти, оказывающих влияние на принятие стратегических политических решений. Фактически в ее качестве выступает высший эшелон политической оппозиции¹. Группа авторов в составе Г. Ашина, А. Понделкова, А. Старостина, С. Кислицына считает, что оппозиция всегда является конкурентом правящей политической элиты и в широком смысле сама по себе представляет собой контрэлиту². В узком смысле слова контрэлита рассматривается ими как совокупность лиц, оппозиционных власти, претендующих в случае победы на выборах или иным образом на высшие должности.

Данный подход позволяет достаточно успешно решать научные проблемы, связанные со структурированием социальных страт и элитных группировок относительно распределения политической власти в рамках «зрелых» демократий, а также изучать процессы взаимодействия политических субъектов по оспариванию права на властные полномочия. Однако политическая практика показывает, что попытки имплементировать подобные концептуальные конструкты для «демократизации» недемократических режимов, тем более в условиях традиционных обществ, неизменно приводят к кардинальному расхождению первоначальных ожиданий и конечных результатов. Особенно наглядно это проявляется на примере так называемых «цветных революций», когда упорное следование идеализированным схемам приводит к распаду основ государственного порядка, что, в свою очередь, упраздняет сами условия перехода к демократическому транзиту.

Противоположные представления, производные от теорий «классовой борьбы», основаны на том, что в недемократических режимах для отдельных социальных слоев проблема реализации собственных интересов и целей ставится не в терминах завоевания власти в рамках

---

¹ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты и политическое лидерство // Политология: лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 507.

² *Ашин Г.К., Понделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А.* Основы политической элитологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 437.

существующего политического порядка, но в плоскости коренной трансформации последнего и обновления состава его руководства. Отмеченные тенденции предопределены неизбежным неравноправием в доступе к власти, предоставляемом различным социальным силам институтами и структурами политических режимов, изначально настраиваемых как инструмент доминирования конкретных социальных страт, а также ограничениями в реализации предлагаемых институциональных возможностей, накладываемыми групповыми идеалами, ценностями и установками. Субъект реализации властных притязаний подобных слоев рассматривается в «узком» смысле в категории *counter-elite* и качественно выделяется среди оппонировавших власти политических сил.

Оппонирование элиты и *counter-elite* представляет игру с нулевой суммой, победитель получает все и бесповоротно. Смена правящей элиты контрэлитой происходит в форме необратимого устранения первой из властного пространства, а зачастую и социальной структуры общества. При этом институт элиты сохраняется, но приобретает иное качественное наполнение. При этом речь идет не о тотальном замещении состава правящей элиты контрэлитой, а только о радикальном обновлении ее деятельностных паттернов. Поэтому количественно фиксируемые параметры преобразованных внешних форм правящей элиты зачастую не способны дать адекватное представление относительно качества нового элитного содержания.

Для нынешнего российского общества и существующего устройства власти невозможно применить некое единое понятие для акторов, оппонировавших правящей верхушке. Слишком уж они различны по своим качественным характеристикам, социальному статусу, функционально-ролевым нагрузкам в протекающих политических процессах, а главное, по условиям борьбы за государственную власть и возможностям ее завоевания. Упрощенно совокупность оппонентов отечественной правящей элиты можно разделить на две неравные части, что (подсознательно?) отражает распространенная классификация российской оппозиции на «системную» и «несистемную» (непримиримую).

Если следовать логике В. Парето, то к контрэлите надо отнести именно несистемную часть оппозицию, шансы которой на попадание во власть при существующем политическом режиме фактически сведены к нулю, а для обозначения системной оппозиции, реально участвующей в тех или иных формах в осуществлении власти, использовать понятие «политическая оппозиция». Однако не стоит буквально прила-

гать термин «контрэлита» к нынешней несистемной оппозиции, потенциально неспособной завоевать власть, что по определению исключает ее элитарный статус. Это понятие — несистемной оппозиции — более применимо для характеристики социального, политического, идеологического «протестного коктейля», современного аналога советского *диссидентства* — эклектичную и организационно несводимую совокупность неконструктивных критиков правящего режима, эксплуатирующих отдельные проблемные сферы или сюжеты публичного дискурса.

Для того чтобы выделить сущностные черты «контрэлиты», попытаемся развести «взаимно отождествляемые» явления и, выявив их сущностные расхождения, переопределить в итоге соотношение между ними. С целью избежать логически замкнутого круга, возникающего при сопоставлении явлений через их понятия, которые, в свою очередь, уточняются через содержание описываемых феноменов, выберем концепт правящей элиты¹ в качестве независимого индикатора сравнения, проведя последнее по двум основаниям: различие функционально-ролевых нагрузок в системе власти, а также идейно-ценностных установок их деятельности.

Структурные и функционально-ролевые различия правящей элиты и политической оппозиции не носят принципиального характера, фиксируя лишь текущее распределение властных полномочий среди разных групп правящей верхушки. Как подметил Г. Дорсо, политический класс, как технический, хотя и весьма самостоятельный инструмент господствующего класса, в ходе политических процессов и взаимодействий распадается на управляющий и оппозиционный слой², подвижные в своем составе и формах. Политическая практика не подтверждает распространенных представлений о регулярном «чередовании во власти элит и контрэлит», каждой из которых присущи принципиально

---

¹ Автор рассматривает правящую элиту в качестве функциональной группы, а именно «совокупности индивидов, занимающих значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах, позволяющие им осуществлять интегративные и стабилизирующие функции в современном обществе и его подсистемах и в связи с этим имеющих возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов». См.: Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // *Полития*. 2003. № 2.

² Dorso G. *Dittatura Classe Politica e Classe Dirigente*. Roma: Laterza, 1986.

различные подходы к содержанию и методам осуществления государственного курса. Ограниченная ротация характерна лишь для весьма малочисленной категории избираемых публичных политиков и их ближайшего окружения из состава политической элиты, но не свойственна ее наиболее массовому политико-административному сегменту, а также отраслевым элитам. И этому есть объективные причины.

Регулярное (на краткосрочных или среднесрочных отрезках) обновление качественных оснований и целей проводимого курса препятствует устойчивому развитию общества. Для обеспечения преемственности в функционировании и воспроизводстве властных структур и институтов обновление их руководства следует производить из когорты лиц, обладающих схожими качественными характеристиками, идейно-ценностными установками служебной деятельности, разделяющими миссию и цели существования правящего режима. Неизбежные расхождения по поводу стилистики функционирования данных структур и институтов, методов, темпов и средств достижения целей не являются принципиальными и служат лишь основаниями размежевания правящей элиты на группы, которые в зависимости от состояния социального запроса или возникших условий периодически отстраняются или возвращаются к власти. Тем самым понятие политической оппозиции описывает состояние части правящей элиты, временно отстраненной от рычагов публичной власти, но которая сохраняет влияние на механизмы принятия решений¹.

В силу собственного опыта, социального статуса и наработанных связей группы, уходящие в политическую оппозицию, сохраняются в «сетевом ландшафте» процессов выработки ключевых решений, что позволяет им влиять как на содержание проводимого курса, так и на поддержание форм функционирования властных структур и институтов. Но дабы не утратить претензии на власть, политическая оппозиция вынуждена бороться за возвращение к ней исключительно в легальных рамках принятого политического порядка и элитных норм и ценностей. Этим гарантируется ее принадлежность к привилегированному слою правящего класса и сохранение социального статуса, моделей потребления и поведения наравне с группировками, наделенными властью.

---

¹ На единство правящей элиты, условность ее деления указывает и О. Крыштановская: *Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты.* М.: Захаров, 2005. С. 74.

Политическая оппозиция является важным институтом политического режима, выполняя специфические, крайне необходимые для его воспроизводства функционально-ролевые нагрузки, как, например, минимизация рисков принятия неверных решений. Противодействие оппозиции, ее обращение к обществу вынуждает правящую верхушку тщательно «выверять» принимаемые решения и следовать формальным алгоритмам их утверждения и реализации. Кроме того, восстановление утраченной легитимности правящей элиты осуществляется путем «призыва во власть» именно сил политической оппозиции, формально не запятнавших себя ответственностью за негативные последствия ранее принятых решений и действий. В итоге недовольство существующим режимом канализируется в отношении конкретных, отстраняемых от власти персоналий и элитных групп, но не элиты в целом. Тем самым ротация элитных групп во власти, точнее, смена статусов «правлящих» на «неправлящих» и наоборот, способствует воспроизводству политического режима и самой элиты.

Таким образом, специфика функционально-ролевых нагрузок политической оппозиции, ограниченность реформаторского потенциала рамками существующей модели властного порядка не позволяют ей выступать в качестве субъекта обновления политического режима и типа правящей элиты. Попытки решить подобные задачи исключительно путем перераспределения власти среди элитных группировок, ценностно-смысловые установки и модели деятельности которых принципиально не различаются, как показывает история отечественных и не только реформ, не приносит желаемых результатов.

Контрэлиты также присущи специфические роли и функции в системе власти, пусть формально и не связанные с ее реализацией. Преобразуя протестный потенциал недовольной части общества в собственный политический ресурс, она усиливает контроль социума над властью, препятствует закрыванию правящей элиты, принуждая последнюю «абсорбировать» наиболее деятельный элемент из внеэлитных слоев, а также служит мультипликатором существующих подходов к направлению государственного курса и оценок политических явлений и событий.

Однако ключевая системная функция контрэлиты заключается в следующем. В эволюции любого типа правящей элиты неизбежно наступает момент, когда ее возможности и властные потенции перестают соответствовать характеру стоящих перед социумом проблем и вызо-

вов. И если вырождение и историческая обреченность прежних форм и оснований политического правления, носителем которых выступает правящая элита, становятся очевидными и опасными для общества, последнее переходит к поиску новых, более соответствующих требованиям времени установок, принципов и моделей функционирования власти, субъектом учреждения которых становится именно контрэлита.

В итоге содержательно возникающие кризисы разрешаются за счет качественного обновления идейно-ценностных оснований социально-политического и экономического порядка посредством перехода власти в руки контрэлиты, сумевшей предложить более реалистичные и адекватные подходы к выработке целей и методов реализации приоритетов общественного развития. Преодоление функционального ступора властных структур и институтов происходит как за счет переосмысления оснований и форм их деятельности, так и за счет обновления деятельностных и мировоззренческих установок их руководства, но в непрерывной гармонии с политической культурой большинства населения и текущим состоянием общественного сознания.

Этим и обуславливается полярное расхождение *идейно-ценностных установок* контрэлиты и политической оппозиции. Оппозиция, борясь и достигая власти в рамках существующего политического порядка, не заинтересована в его разрушении и в целом разделяет идеологию режима и общие ценности правящей элиты. Возникающие противоречия носят, как правило, второстепенный, несущественный характер. В отличие же от оппозиции контрэлита борется не с группировкой, временно господствующей во власти, а выступает за переустройство установленного политического порядка на новых основаниях, ведь только в этом случае у нее появляются реальные возможности для завоевания государственной власти. Она неудержимо выходит за рамки режима, представляя собой *потенциально* новый тип элиты с принципиально иными качественными характеристиками и ориентационными установками функциональной деятельности¹.

При этом контрэлита вступает с правящей элитой в бескомпромиссный конфликт по крайне широкому спектру вопросов, затрагивающих основы политического и социального порядка, модели, нормы и ценности функционирования системы власти, формы и содержание поли-

---

¹ Семантически приставка *contre* означает противостояние сущностей сравниваемых явлений.

тических коммуникаций с обществом, что способствует «отстройке» ее идейного позиционирования в политическом пространстве от конкурентов. Идейный антагонизм контрэлиты способствует расширению спектра поиска востребованных временем путей, целей и форм развития общества и соответствующих им моделей организации власти.

Вместе с тем расхождение идейно-мировоззренческих позиций правящей элиты и контрэлиты и их ценностных установок наблюдается в разных пропорциях. Ценности как социокультурная категория, отвечающая за воспроизводство архетипов группового сознания и поведения, обладают более стабильной природой, что обуславливает их частичный «ренессанс», неоднократно наблюдаемый в истории отечественного элитогенеза, в ориентационных установках пришедшей к власти контрэлиты. Неизбежная близость ценностных оснований сменяющихся типов элит обеспечивает известную меру преемственности процессуальных (внешних) форм функционирования власти. Идейное же противостояние элиты и контрэлиты отражает и обеспечивает жизненно важные, как правило, несовместимые в рамках недемократических режимов интересы различных социальных слоев, борющихся за политическое господство. В силу этого идейные основания сменяющихся друг друга режимов и элит приобретают качественные отличия, пусть при внешней схожести их властных практик.

Очертив сущностные различия политической оппозиции и контрэлиты, можно уточнить понятие последней. *Контрэлита* — особое явление социальной и политической жизни, возникающее на этапах «перестройки» политического устройства и уходящего типа правящей элиты в качестве потенциального «могильщика» и преемника последней. Она воплощает весьма редкие и уникальные состояния (формы) предвластных сил. Случайно возникающие и более не воспроизводимые комбинации условий и состояний процессов социально-политического кризиса обуславливают разнообразие и несхожесть типов контрэлит. Временный же характер существования, размытость форм не позволяют в достаточной для типологизации степени развернуть сравнительные параллели между ними.

В широком смысле контрэлита представляет собой достаточно эклектичную по составу и подвижную в своих формах совокупность противостоящих правящему режиму социальных, политических и культурных кругов, лишенных фактического доступа к власти при существующем политическом устройстве. В узком понимании она может

быть отождествлена с «контрэлиным ядром»¹ — центральным руководящим и представительным элементом ее достаточно аморфной и разобщенной структуры, который связывает в относительное единство протестное сообщество социальных и политических маргиналов. Качественный состав и идеологическая платформа ядерной части контрэлиты задает программатику ее действий, связанную с борьбой за достижение политической власти, а также с трансформацией структур правящего режима.

Контрэлитное ядро составляется как из отлученных от власти бывших представителей правящей элиты, сознающих невозможность возвращения в прежний статус при существующем политическом порядке, так и их временных попутчиков из высшего социального слоя и представителей интеллектуального истеблишмента. Без таких лиц, обладающих опытом функционирования во власти, а также даром создавать формы и смыслы, мобилизующие социальную поддержку, контрэлита не в состоянии ни убедить общество в обоснованности собственных властных притязаний, ни переориентировать на свою сторону управленческий аппарат, ни расколоть единство правящей верхушки, сделав ее неспособной к продолжению борьбы за власть.

ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ ЗАВОЕВАНИЯ ВЛАСТИ КОНТРЭЛИТОЙ

Социальные основания контрэлиты находятся вне господствующего класса, она опирается на слои общества, ищущие адекватные своим ценностным установкам формы и механизмы реализации собственных интересов. Именно идейный плюрализм общества служит «питательным бульоном» для возникновения и развития сил и движений, конфликтующих с существующим социальным и политическим порядком. Генерируемое снизу на неформальных площадках, в том числе и в протестной среде, разнообразие подходов и взглядов на проблемы социальной эволюции проникает в сознание части творческого и интеллектуального истеблишмента, который и придает им законченные идейно-концептуальные формы. Однако, хотя «зачатки» контрэлиты появляются в сферах, наименее подверженных властному регулированию: гуманитарной, правозащитной, культурной, интеллектуальной, независимых СМИ, — конкретные формы и обстоятель-

---

¹ Термин, предложенный С. Кислицыным в ходе научной дискуссии.

ства их развития задаются процессами, протекающими в лоне существующих социальных и политических институтов. Ведь именно деятельность последних создает (или не создает) условия для появления и политического структурирования социальных сил, целенаправленно стремящихся к кардинальному обновлению политического устройства.

Процессы развития контрэлиты разворачиваются в контексте отношений элитных и неэлитных слоев, и обстоятельства ее появления в решающей степени зависят от состояния, форм и содержания последних: власть «сама порождает своего могильщика». Соответственно, возникает треугольник взаимодействий, в котором контрэлита до определенного момента играет второстепенную роль, выдвигаясь на первый план только в случае стойкой некомпетентности, неспособности элиты и далее организовывать властное регулирование и массовые коммуникации. Подобная ситуация создает потенциал и потребность обновления системы отношений в указанном треугольнике на новых основаниях и выводит контрэлиту на роль «первой скрипки». Опосредуя дисфункции взаимодействия элиты и неэлиты, она перестраивает формы и качественное содержание существующего политического порядка. Однако в зависимости от характера и масштабов подобного «посредничества», факторов субъективного порядка и личностного выбора контрэлиты может приобретать и качество политической оппозиции, интегрируясь в состав правящей элиты.

К необходимым условиям появления и структурирования контрэлиты следует отнести следующие:

- устойчивую некомпетентность правящей элиты, не позволяющую своевременно и целенаправленно задействовать имеющиеся инструменты и механизмы разрешения возникающих кризисов, что критически расширяет состав социальных сил, активно противопоставляющих себя существующему режиму;
- появление в социальной структуре общества групп, интересы которых невозможно по тем или иным причинам реализовать в существующей архитектуре правящего режима;
- ограниченность способов и механизмов социального и властного регулирования, присущих недемократическим формам политического устройства;
- наличие интеллектуальной прослойки, способной реализовать конфликтный потенциал выступающих против режима социальных

сил, идейно и организационно оформить выдвигаемые претензии по смене существующего властного порядка и обеспечить этим притязаниям массовую поддержку.

Важнейшим же фактором институционализации контрэлиты является соразмерность, соотнесенность темпов структурирования ее ядра и протестной радикализации отрицающих существующий политический порядок частей общества, скорость и характер их взаимного сближения и интеграции. При значительном расхождении динамики и соразмерности данных процессов, отсутствии точек взаимного соприкосновения контрэлита как явление оказывается несостоятельной.

Заметим, что контрэлиту невозможно вырастить (импортировать) извне. Как показывает политическая практика, «искренние», но неумело замаскированные порывы западных партнеров поддержать и выпестовать подопечное российское протоконтрэлитное ядро всякий раз обращаются против последнего, приводя к утрате им общественной поддержки, которая в подавляющем своем объеме перетекает к правящим кругам. Между тем, стремясь подтолкнуть отечественную правящую верхушку к реформированию политического порядка в моменты, наиболее благоприятные для либерализации последнего, западные контрагенты создавали «рукотворные» кризисы, купировавшие открывающиеся возможности и отбрасывавшие режим и элиту в сторону усиления государственного регулирования и ужесточения властных практик.

Нечто подобное мы наблюдаем и в 2014 г. Нетерпение западных партнеров и неприемлемость для них фигуры В. Путина перешли в открытое давление на существующий режим, что способствовало консолидации населения вокруг фигуры лидера, реформатированию повестки публичного дискурса в защиту существующего властного порядка и, как следствие, полному выпадению протоконтрэлитного ядра из публичного и информационного пространства. «Закручивание гаек» по ограничению пространства и форм политической конкуренции и общественного протеста получило легитимное основание.

Функционирование властных структур в общественной среде непрерывно сопровождается процессами «мутации» политического режима и его руководства, т.е. качественными отклонениями от базисных, опривыченных шаблонов и паттернов деятельности. В зависимости от обстоятельств возникающие «метастазы» способны приобретать самые причудливые формы и состояния, но, как правило, они своевре-

менно купируются фильтрами, включенными в механизмы и каналы элитного комплектования, контролируемые правящей стратой.

Противодействуя возникновению и структурированию контрэлитного ядра, правящая верхушка стремится сохранить в сфере собственного притяжения отставные элитные персоны, которые обладают значительным уровнем общественного доверия и способны при определенных обстоятельствах стать аттракторами, объединяющими вокруг себя разнородных противников режима. Стратегия «бархатной» постэлитной экстрадиции критически ограничивает кадровые ресурсы потенциального контрэлитного ядра, а также перспективы его структурного оформления. Одновременно, дабы не допустить появления общей для контрэлиты идейно-мировоззренческой платформы, оформляющей ее властные претензии и интересы, руководство режима достаточно жестко контролирует содержание идеологического дискурса, заигрывает и привлекает на свою сторону наиболее ярких и признанных в обществе представителей творческого истеблишмента. Наряду с действиями по сплочению правящего класса и самой элиты это способствует поддержанию в массах представлений о безальтернативности существующей власти, отсутствия у нее достойных и компетентных конкурентов.

Однако рано или поздно наступает период, когда «встроенные ограничители» перестают функционировать в предписанном им порядке. Повторяющиеся кризисы легитимности политического режима меняют запрос на модели и цели его функционирования, на качества и ценности руководства, обновляя по необходимости механизмы и каналы комплектования последнего. Но вследствие «ригидности» адаптивных механизмов недемократических режимов перед контрэлитой открывается «окно возможностей». Несмотря на сохраняющийся у правящей элиты административный ресурс, именно ее оппонент, опираясь на ресурсы вновь нарождающегося и осознающего свои интересы господствующего класса, оказывается в состоянии более эффективно и с выгодой для себя распорядиться возможностями, которые предоставляют формально вводимые демократические процедуры выборов руководства властных структур для установления собственного контроля над последними.

Наступает достаточно растянутый по времени этап «конкурентного сосуществования» правящей элиты и контрэлиты, когда первая постепенно теряет контроль над структурами и институтами существующего режима. На этой стадии процессы организационного оформления и властной институализации контрэлиты протекают одновременно, ди-

намично переопределяя друг друга. Для их успешного завершения требуется уникальное сочетание на коротком временном отрезке благоприятных условий, главным из которых выступает появление харизматичного «вождя» и/или группы лидеров, популярность которых, как правило, создается явными (или надуманными) «гонениями» со стороны власть предержащих.

Первоначальное, пусть и демонстративное расширение свободы и рамок идеологического дискурса переводит формат противостояния элиты и контрэлиты в плоскость публичного обсуждения идей и концептуальных моделей социально-политического развития. Первое время у контрэлиты доминируют размытые, во многом противоречивые идеалистичные принципы и лозунги, безотносительные к реально складывающейся ситуации. В основе ее риторики и действий заложено стремление разрушить барьеры, установленные на входе в пространство политической конкуренции, подорвать легитимность своего антипода через компрометацию результатов его функциональной деятельности и стратегических целей проводимого курса. Причем критика обращается в основном в прошлое, намеренно обостряет социальные и политические противоречия, усугубляя кризисное состояние общественного устройства, не предлагая, однако, конструктивных мер и программ по разрешению существующих проблем, скорее порождая новые. Это парадоксальным образом расширяет социальную базу контрэлиты за счет появления все новых, обделенных существующей властью общественных групп.

Однако победа контрэлиты зависит от ее способности предложить обществу наиболее привлекательную модель социально-экономического и политического устройства. Эта модель по возможности должна также провоцировать изменение позиций правящей элиты, подталкивать наиболее здравомыслящие ее круги к переходу на свою сторону. Потребность в оформлении и конкретизации собственной программы действий, в достижении необходимой степени внутренней сплоченности относительно ее содержания и целей, мобилизация поддержки масс обуславливает расширенный приток представителей интеллектуального и творческого истеблишмента в состав контрэлитного ядра. Последнее отчаянно нуждается в притоке «свежей крови», идейном опылении со стороны творческих интеллектуалов, ведь трансформация идейно-ценностных установок недавних выходцев из структур власти возможна только под влиянием извне. Незначительная присадка инородного

правлящей элите по ценностям и идеологии компонента качественно преобразует их идейные установки и ценности контрэлитного ядра¹.

При достижении требуемого уровня идейного и организационного сплочения у контрэлиты появляется реальный шанс победить. Ее «метастазы» лавинообразно «завоевывают» пространство власти. Ценности, нормы и модели деятельности контрэлиты, очерчивая содержание паттернов нового нарождающегося типа правящей элиты, в свою очередь, определяют процессы и формы обновления политического и социально-экономического устройства страны. В этой фазе решающее значение приобретает состояние и настроения контрэлитного ядра, его способность контролировать и направлять развивающиеся процессы. Особенно велика роль харизматичного лидера, выступающего центром консолидации политических и социальных сил, ведущих борьбу за доступ к власти.

По мере расширения социально-экономического кризиса контрэлиты, еще не обладающая властными полномочиями, но уже перетягивающая «одеяло социальной легитимности» на себя, превращается в наиболее привлекательную структуру для нарождающегося господствующего класса и обособливающихся кластеров прежней элиты, заинтересованных в привлечении ее ресурсов общественной поддержки. Становятся возможными временные альянсы и договоренности контрэлитного ядра с отдельными элитными фракциями. Взаимодействие с различными частями правящей элиты, по большей части, со стремительно «радикализирующейся» политической оппозицией, позволяет отчасти уравновесить первоначально несопоставимые ресурсы контрэлиты и властвующей верхушки, запустить процессы окончательного разложения последней.

В результате «бегства лояльности» к новому «сюзерену» возникает принципиально иное состояние элитной структуры. В обновляемой системе координат политического порядка большая часть элиты вынужденно порывает с прежними стандартами, переходя на сторону контрэлиты², которая, в свою очередь, необратимо встраивается в систему

---

¹ Так, идейно-ценностное «перерождение» Б. Ельцина отмечается с момента его попадания на лидерские позиции в Межрегиональной депутатской группе, большинство которой составляли представители интеллектуальных и творческих кругов.

² По приблизительным оценкам до 75 % политической элиты и 61 % бизнес-элиты в постсоветских странах в первой половине 1990-х годов составляли

внутренних взаимодействий и саму структуру прежней элиты, завершая тем самым процесс инверсии властных статусов и становясь правящей. Как следствие изменяются критерии и механизмы комплектования власти. Складывается новый бассейн элитного замещения, точнее, переходит по наследству от контрэлиты, на базе нарождающегося господствующего класса, основу которого закономерно составляют социальные группы и организации, связанные с теми институтами и структурами прежнего режима, которые в наибольшей мере сумели сохранить стабильность и влияние на переходном этапе.

Обрушение политического режима критически ослабляет институт государства, не означая тем не менее неизбежности распада последнего. Формы государственной власти и территориального устройства существенно преобразуются, подчас весьма кардинально, но характер подобных изменений зависит в значительной мере от исходного состояния и условий кристаллизации контрэлитного ядра. Например, процессы оформления контрэлиты при советском режиме случайным образом были ограничены рамками борьбы за руководство именно республиканскими структурами, поэтому выдвинутая ею стратегия социально-экономического и политического переустройства никак не предполагала сохранения единого хозяйственного и политического пространства страны. Фактический коллапс союзных структур власти после августовского (1991 г.) путча сделал невозможным и борьбу за руководство ими, и существование единого государства. Кроме того, путь к власти через союзные структуры для Б. Ельцина и его окружения был закрыт как в силу нараставшей обособленности стремившихся к независимости республик, так и по причине неприемлемости самой кандидатуры Бориса Николаевича в качестве объединителя и руководителя национальных (контр)элит. Появись у контрэлитного ядра иной лидер, возможно, процессы территориального распада страны удалось бы предотвратить либо максимально ограничить.

Раскол «победившей» контрэлиты составляет неотъемлемый этап процесса смены элиты. После необратимого ниспровержения прежней власти исчезает ключевой мотив, связывавший разнородные силы в со-

ставе контрэлитного ядра, единство которого начинает рассыпаться. На время приглушенные противоречия недавних союзников и попутчиков в борьбе за власть вновь выходят на поверхность и разводят их по нескольким полюсам идейно-политического противостояния, открывая завершающий акт драмы обновления правящей элиты. Последовательное устранение очагов противостояния учреждаемой модели властного порядка сужает структурное и идейно-ценностное разнообразие ставшей «правлящей» контрэлиты до двух сторон, придерживающихся принципиально расходящихся стратегий достижения заявленных целей, между которыми и разворачивается финальная схватка. Вторая волна раскола, теперь уже победившей контрэлиты, оказывается намного опаснее первой, как в отношении перспектив еще «рыхлого» политического режима, так и территориальной целостности переучреждаемого государства.

Неизбежные на стадии обустройства режима конфликты и противоречия между его институтами и структурами постепенно, но неуклонно распространяются и на сферу персонального соперничества пришедших к их руководству лиц за сохранение (приумножение) собственного статуса и влияния. Происходит «резонансное» усиление противостояния среди группировок «правлящей» контрэлиты, которые со своей стороны дополнительно поощряют существующее напряжение внутри режима. Государственные и политические институты превращаются в заложников, инструменты реализации текущих интересов различных контрэлитных фракций, что приводит к функциональному параличу системы власти. Конкретная форма разрешения данного кризиса в значительной степени обуславливает дизайн и последующую траекторию развития режима. При этом персональный состав «правлящей» контрэлиты меняется весьма незначительно, большинство «проигравших» благополучно перетекает во вновь создаваемые структуры и институты, лишь малое их число, в основном из случайно примкнувших попутчиков, отлучается от власти.

Процесс оформления политического режима сопровождается постепенным «разложением» прежней элиты. Для России переломным моментом по вытеснению из политического пространства стремившихся к реваншу «осколков» прежней элиты стали президентские выборы 1996 г. Конкретные политические практики и методы, примененные тогда «властвующей контрэлитой» для окончательного устранения побежденного «противника», продолжают воспроизводиться в отноше-

нии оппонентов конкретной правящей верхушки, предопределяя стилистику политического режима.

Специфика властного функционирования победившей контрэлиты характеризуется неспособностью (невозможностью) окончательно по-рвать с укорененными в ней ценностями, нормами и служебными моделями, она лучше представляет, что следует снести, нежели созидать. Сумев разрушить до основания структуру прежнего режима, она в состоянии лишь утвердить, и то в весьма противоречивых формах и неоднозначными методами, зачатки нового политического и социально-экономического устройства. Но вот вписывать новые институты и структуры власти в ткань традиционных социально-политических и экономических отношений, меняя последние, настраивать их совместное эффективное функционирование приходится следующему за ней поколению руководителей, которое уже с полным основанием именуется правящей элитой.

Поэтому некорректно разделять состояния правящей элиты при Б. Ельцине и при В. Путине. Путинская элита — логичное завершение, продукт развития тех тенденций и процессов, которые были заложены в недрах перестроечной советской номенклатуры, продолженные при Борисе Николаевиче и завершенные при нынешнем лидере. Различие элитных состояний обусловлено спецификой задач и условий конкретных фаз переходного периода — становления, позиционирования во власти и перехода к устойчивому воспроизводству. Это не результат единоличных и целеустремленных замыслов и усилий В. Путина, хотя нельзя отрицать и его персонального вклада в качественный состав собственного окружения, определенного влияния на выбор и реализацию случайным образом возникавших обстоятельств и вариантов действий.

Резюмируя, отметим, что смена типа элиты представляет собой достаточно продолжительный по времени и непредсказуемый процесс последовательного замещения правящей элиты совокупностью ее идейно-ценностных антиподов, выступающих в форме контрэлиты. Внутренне присущие механизмам власти и системам представительства закономерности функционирования не позволяют полностью и одномоментно обновить состав и качественные характеристики правящей элиты. Подобные попытки приводят к распаду самих основ воспроизводства и саморегулирования общества, управленческие структуры перестают функционировать, выжидая развития ситуации и обращаясь

исключительно к разрешению собственных интересов, тем самым приходя к состоянию властного коллапса.

Происходящие события на Украине в очередной раз подтверждают, что попытки обновления типа правящей элиты в отсутствие контролиты обречены на неудачу. Ни институт выборов, ни прямое избрание государственного руководства на «народном вече» не способны стать механизмом качественного обновления существующего политического режима и его руководства. Правящая элита в лице политической оппозиции, переигравшей собственных конкурентов и во власти, и на улицах, сумела сохранить руководство слегка подновленными структурами и институтами прежнего режима, вывернув наизнанку кадровые критерии и принципы Майдана. Об этом наглядно свидетельствует «избрание» очередным главой государства олигарха и неперемennого участника предыдущих правящих комбинаций П. Порошенко.

Только в Крыму местный политический, олигархический и культурный истеблишмент, исконно тяготевший к России и объективно выступавший в качестве непримиримого оппонента для киевской верхушки, сумел избавиться от опеки последней и органично встроиться в структуру и сети российской правящей элиты. Начатый на Майдане эксперимент по скоротечному обновлению правящей верхушки с «чистого листа» был спонтанно продолжен в самопровозглашенных «народных республиках» Юго-востока Украины. Как оказалось, достаточно механистическое соединение в их руководстве лиц, не имевших прежде отношений с региональной элитой и властью, тем более не пользующихся их поддержкой, по крайней мере дружественным нейтралитетом, не в состоянии создать работающие властные структуры либо наладить функционирование уже действующих.

Майдан продемонстрировал также опасные и непредсказуемые последствия искусственного воздействия извне на ценностно-ориентационную матрицу элиты, спровоцировавшего сбой эволюционных алгоритмов элитогенеза. Обращение правящей верхушки к раскалывающим украинское общество социокультурным ценностям и установкам националистической части протестного движения как средству воспроизводства собственной легитимности обусловило раскол страны и общества, диффузию власти среди многочисленных центров силы, неподготовленных к конструктивной реализации захваченных полномочий.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ КОНТРЕЛИТЫ КАК СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Признаем, что рассчитать (или предугадать) вероятность появления «окна возможностей» — комбинации условий, благоприятных для возникновения и развития контрэлиты, — для отдаленных от момента наблюдения дискретных точек или фаз политических процессов пока не представляется возможным. Процессы элитогенеза неизменно демонстрируют свойства диссипативных структур, для которых в кризисные моменты перемена ряда несущественных, порой неуправляемых для наблюдателя параметров способна привести к стремительному переходу в совершенно новое качество. Здесь не помогут данные регулярных опросов, ибо протестное (контрэлитное) структурирование социальных сил носит поистине реактивный характер, и в условиях обвального и непредсказуемого потока событий надо обладать невероятной прозорливостью, чтобы их вычленивать и предсказать динамику. Тем не менее попытаемся приблизительно оценить перспективы появления, возможности и потенциальную базу поддержки субъекта реформирования отечественного политического порядка.

Текущее состояние и результаты властвования нынешней правящей верхушки, если оценивать их не с точки зрения, что не было свершено, а относительно того, что удалось сделать, даже в обстановке рукотворного кризиса в отношениях с западными партнерами не создают достаточных оснований для выдвижения требований по ее замене. Нынешнее руководство сумело полностью дистанцироваться от наиболее негативных последствий периода становления социально-политического и экономического устройства, переложив ответственность за них на плечи собственных оппонентов как из либерального, так и социалистического крыла. Обществу была обеспечена определенная стабильность существования, являющаяся приоритетом для наиболее крупных социальных слоев, которые *пока* заинтересованы в сохранении существующего властного порядка. В этих условиях предъявляемые власти обвинения не воспринимаются и отвергаются большинством населения, обуславливая, как показывают текущие рейтинги, непривычно высокую степень его поддержки, которую невозможно отнести только на счет манипулятивных технологий¹.

---

¹ Достаточно посмотреть на результаты социологических опросов. Например, опрос Левада-Центра от 22–25 августа 2014 г. <<http://www.levada.ru/27-08-2014/avgustovskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya>>.

Наблюдается весьма высокий, экологически неблагоприятный для консолидации контрэлитного ядра уровень сплоченности политического класса, очень узок диапазон его идейно-ценностных расхождений. Со своей стороны правящая элита отнюдь не горит желанием создавать преференции своему антиподу, прекрасно сознавая иллюзорность и нереалистичность предлагаемых тем программ. Публичные каналы рекрутирования руководства властных структур и институтов надежно контролируются правящей верхушкой, в том числе и при помощи собственной оппозиции, которая весьма охотно и действенно ей подыгрывает в ограничении свободы действий и дозволенного пространства социальной и политической активности «ниспровергателей» существующего властного порядка. Под угрозой бесповоротного изгнания из сферы реальной политической конкуренции и утраты привычного социального статуса последние вынуждены играть по навязываемым правилам, несогласные же с неизменным успехом вытесняются в маргинальное измерение российской политики.

Своей кадровой политикой В. Путин и его окружение успешно предотвращают возникновение возможных центров кристаллизации контрэлитного ядра. Удержание отставленных из властных коридоров на орбите элитного притяжения, в том числе и за счет создания под них «синекур», выборочная инкорпорация во власть либо демонстративное приближение к ней наиболее способных представителей протестных движений¹ лишают потенциальную контрэлиту «политических тяжеловесов», вокруг которых и возможно ее идейное и организационное оформление. Возможные лидеры контрэлитного ядра вроде А. Кудрина закрепляются в политической оппозиции, сохраняя тем самым собственную принадлежность к правящей элите. В «свободное протестное плавание» отпускаются разве что бесповоротно скомпрометировавшие себя фигуры вроде Б. Немцова или М. Касьянова, которые лишь дискредитируют и раскалывают руководство несистемной оппозиции. Тем самым разрозненные и ограниченные по масштабам метастазы контрэлиты успешно купируются встроенными фильтрами политического режима.

Нынешние же лидеры несистемной оппозиции, воспроизводящие традиционную модель поведения российского интеллектуального ис-

---

¹ Через декоративные структуры вроде Общественной палаты или общественных советов при ведомствах.

теблишмента, увлеченные неконструктивной и неуправляемой критикой правящей верхушки, но не желающие реально бороться за власть, применять ее и нести соответствующую ответственность, вряд ли способны состояться в роли контрэлитного ядра. Для них приоритетен сам процесс собственной презентации, нежели достижение реальных результатов. Замкнутость рамками идеалистичных вариантов либерализма или социализма, не разделяемого большинством российского общества, объясняет их неумение выстраивать идейный дискурс, насыщать его повестку темами и смыслами, действительно волнующими население, отражающими его реальные приоритеты, либо представление последних в неприемлемой для основных социальных слоев интерпретации. Фактически лидеры несистемной оппозиции ретранслируют интересы и ценности откровенно маргинальных слоев, представляющих крайне узкий срез общества, достаточный, даже комфортный, для поддержания необременительного присутствия в окол властной среде и собственного социального позиционирования, но совершенно ничтожный для политического роста.

Существенно сужены идейно-парадигмальные основания для структурирования контрэлиты. Возможности консолидации широких слоев на базе либерально-демократической альтернативы крайне ограничены в силу общественного неприятия как следствия тяжелого периода рыночных реформ. Кроме того, сама власть достаточно уверенно играет на данном поле, вытесняя противников на чрезмерно радикальные и потому неприемлемые для большинства населения концептуальные подходы и позиции. Социалистические идеи монополизированы руководством КПРФ, которое войдя в состав правящей элиты, продолжает демонстративно позиционировать себя в роли идейной контрэлиты левого толка. Как отмечает подрастающее поколение левых активистов, например из Трудовой России, их попытки ревизовать в соответствии с обстановкой ценностные и идейные основания политической деятельности, программные требования блокируются «старшими товарищами». Все это вынуждает определенную часть лидеров данного направления скатываться на откровенно националистические позиции, критически обостряя соперничество и взаимное неприятие существующих полюсов потенциального контрэлитного ядра.

Декларируемые идеи и ценности «несистемной оппозиции» не просто противоречат друг другу, но и не соответствуют логике и принципам функционирования самих властных механизмов, так что в случае

завоевания ими власти, последней, а также самому государству угрожают серьезные риски. Так, либеральная часть постоянно забегает впереди эволюционного процесса развития, а представители левых течений зовут общество в мифологизируемое прошлое. В результате отсутствуют объективные по целям и ценностям социального и политического развития условия для конструктивного диалога общества, правящей верхушки и несистемной оппозиции, который помог бы расширить возможности для самоорганизации последней.

При этом собственный идеализм и деятельностная ограниченность прекрасно осознаются «несистемными» оппонентами существующего режима. Вследствие этого их «борьба» за власть ведется крайне несерьезно, с апеллированием не к обществу, а к западным посредникам и правящей верхушке с мольбами создать преференциальные условия для борьбы с ней же самой. Тем самым они включаются в продвижение целей внешних акторов, не связанных с проблемами российского общества, что свидетельствует о легковесности намерений лидеров «несистемной оппозиции», их «профессионализации» в статусе вечных бунтарей, использующих протестное движение ради обеспечения личных интересов. Пагубное сочетание несостоявшихся во власти персон и «приверженцев политического перформанса», более озабоченных собственным возвышением в кругу себе подобных, их неспособность к самоорганизации и кооперации на основе совместно выработанных целей, идеологическая мешанина препятствуют структурному и идейному оформлению контрэлитного ядра, появлению признанного и харизматичного лидера, опирающегося на соединенные ресурсы противников существующего режима.

Трансформация социальной структуры российского общества не приводит к автоматическому появлению (расширению) базы поддержки потенциальной контрэлиты. Подобные процессы зависят от возможностей и конкретных действий политического режима и его руководства по адаптации существующих механизмов представительства интересов к притязаниям и требованиям нарождающихся социальных слоев. Тем более что правящая верхушка за счет механизмов и стратегий «социального инжиниринга», перераспределения ресурсов и/или изменения форм и масштабов участия тех или иных социальных слоев в процессах реализации политической власти активно и целенаправленно воздействует на динамику развития и текущее состояние общественных структур, баланс их сил и позиций. Кроме того, усиливаю-

щееся разнообразие и подвижность социальных структур позволяет правящей элите целенаправленно манипулировать выбором и распределением групповых идентичностей среди населения за счет организации повестки публичного дискурса. Умело срежиссированные властью после присоединения Крыма устойчивые массовые настроения в свою поддержку практически лишили социальной базы потенциальные контрэлитные силы. Большая часть населения ныне не видит реальной альтернативы существующей власти, оказалась практически невосприимчивой к темам и смыслам повестки дня, предлагаемой ее оппонентами.

Способствовали усилению манипулятивного контроля и сущностные перемены в состоянии «социальных инкубаторов» контрэлиты. В этой связи следует особо отметить содержательное изменение функционально-ролевых статусов отечественного интеллектуального истеблишмента, традиционно выступавшего в качестве одного из бассейнов комплектования контрэлитного ядра. Именно эти круги создавали смыслы и ценности общественного развития, генерировали принципиально новые идейно-ценностные установки для деятельности власти, обеспечивали идеологические платформы политических конкурентов, особенно связанных с либеральным, «западническим» проектом.

Однако, восприняв западные либеральные установки и ценности, наиболее активная часть российского интеллектуального истеблишмента так и не переняла соответствующие традиции конструктивного вхождения во властные структуры с целью изменения оснований их функционирования. Традиционные практики отечественного властвования остались глубоко укорененными в данном сообществе и, как показывает политическая практика, неизбежно воспроизводятся при попадании его представителей в систему власти. Достаточно взглянуть на авторитарные модели служебных и политических взаимодействий, нетерпимость к иным точкам зрения, которыми отличались «либеральные демократы» первой волны, а ныне их современные наследники из рядов «несистемной оппозиции».

По мере же введения и упрочения демократических, пусть и достаточно декларативных, институтов правящего режима, расширения пространства производства и обращения разнообразных общественных смыслов и ценностей социальный запрос на посредническую и программную функцию стал перемещаться в сферу компетенции политической и информационной элит. В результате основания и источники возникновения и структурного оформления контрэлиты следует ожидать

не в кругах интеллектуального и культурного истеблишмента, а в сфере российского бизнеса и нарождающегося «креативного класса».

От появления в этой среде, только пробующей себя на стезе политической борьбы, по-настоящему популярных фигур, способных мобилизовать общество в поддержку выдвигаемых ими моделей и целей социального развития, во многом зависит будущее отечественной контрэлиты и судьба правящего режима. Даже ограниченное число их представителей, зарекомендовавших себя на поприще государственно-го и общественного служения, позволит достичь необходимого организационного, а отчасти и *идейного* единства в рядах контрэлиты. Разговоры же о политической роли среднего класса представляются несерьезными, ибо критерии его выделения носят скорее потребительский, а не политический характер. Более того, рентный характер российской экономики предопределяет исключительно высокую зависимость групп, причисляемых к среднему классу, от государства и правящей верхушки, что критически сужает их реформаторский потенциал.

Первая недостаточно удачная «проба социальных сил» состоялась зимой 2011–2012 г., и была связана с протестной волной и президентскими выборами. Она однозначно зафиксировала качественное изменение природы политического протеста, а также социального состава его участников за счет представителей отмеченных выше социальных слоев. Спонтанное перерастание недовольства выборными процедурами в масштабный протест и сопутствующая ему политическая турбулентность во власти предоставили замечательный шанс для структурирования и консолидации российского контрэлитного движения. К сожалению, лидеры несистемной оппозиции, которые перехватили руководство и контроль над данными процессами, бездарно упустили подобную редкую возможность, растранив антивластный потенциал социального протеста.

С их стороны звучали явно неприемлемые и неадекватные распускаемым силам/ресурсам лозунги и претензии, наглядно проявившие врожденную неспособность объединиться и предложить консолидированную и реалистичную программу действий и требований к власти. При этом растерянность правящей верхушки, как зеркало, отражала скорее соответствующее состояние самой несистемной оппозиции, для власти было совершенно непонятно, на каких площадках, с кем и о чем договариваться. Обилие туманной и ни к чему не обязывающей риторики

ки по поводу демократических принципов и свобод, а не по конкретике действий и стратегии программ, закономерно завершилось Болотной площадью в мае 2012 г. Именно отсутствие четкой идейной программы и конкретного плана действий по срокам и задачам предопределили разброд и шатания в лагере несистемной оппозиции, ее спонтанный переход к неконвенциональным способам политического участия, что дало власти легальные и поддержанные большинством населения основания решительно подморозить протестное движение и отказаться от намечавшегося диалога.

Тем не менее события 2011–2012 гг. следует характеризовать не в категориях неудачи (поражения) российской контрэлиты либо протестного движения, а как подтверждение неприемлемости самой идеи политической безгласности населения как объекта попечения со стороны элиты либо же контрэлиты. Стало очевидно, что, не изменив подобных элитаристских установок, потенциальная контрэлита и впредь не сможет воспользоваться не так часто выпадающими шансами для собственной идейной и структурной консолидации.

Обобщая результаты исследования, можно утверждать, что теоретический конструкт «контрэлиты» позволяет в целом представить динамику и специфику протекания процессов развития и смены недемократических режимов, а также прогнозировать их последствия. Возможно, по мере генезиса социальных структур российского общества и существующего политического порядка, перехода к реальному применению пока еще декоративных процедур и механизмов демократического правления и состоится конвергенция явлений, описываемых в терминах политической оппозиции и контрэлиты, но в настоящий момент факторы (и субъекты) подобного развития событий практически не просматриваются.

Применение данного конструкта показывает, что в ближайшей и среднесрочной перспективе в России отсутствуют объективные и субъективные предпосылки и условия, необходимые для возникновения контрэлиты в качестве ответственной и легитимной политической силы. Не обозначились в достаточной степени социальные слои, нацеленные на радикальную трансформацию политического режима в направлении его демократизации. Продолжается с весьма неясными перспективами становление новой социальной группы, способной идейно и организационно оформить «контрэлитный запрос» общества, причем мощное давление правящей верхушки способно качественно исковер-

кать протекающие процессы и подмять данную группу под реализацию интересов режима.

Тем не менее на более отдаленную перспективу окно возможностей для реактивного развития процессов качественного обновления российского режима и его руководства потенциально открыто. Вызывает, однако, тревогу, что в условиях нарастающей изоляции страны от демократических государств и ценностей новая волна контрэлиты способна приобрести националистически-консервативное, нежели либеральное содержание.